
– Я уже всё изложила в отчёте, но меня попросили ещё раз рассказать о случившемся. Вы прочитали мой отчёт, поэтому и захотели поговорить со мной, да?

– Подождите, – сказал один из толпившихся на пороге комнаты для допросов и заглядывавших внутрь. (Это был адвокат пострадавшей стороны. Её адвокат.) – У неё ведь посттравматический стресс, она пока ещё мало способна восстановить события. Ну то есть их последовательность.

– И ты не побоишься выйти? – донеслось из-за двери. – Сначала вымазала нас в дерьме, а теперь не побоишься выйти?

Голос был хриплый, спокойный. Такой ровный, будто и вовсе не человеческий. Говорящему, казалось, было всё равно, слышат его или нет. (Кто это? И к кому он обращается?) Она вдруг поняла: он впервые заговорил за всё то время, что стоял под дверью допросной... Было во всём этом что-то хорошо ей знакомое, уже известное...

Странно, но она никак не могла догадаться, кто это.

– Здесь с тобой ничего страшного не случится. Шлюха. А всё, что случится, – так ты сама на это нарывалась. Вот и нарвалась. Тебе же и самой всё понятно. Ты, как только появилась на борту, сразу начала нарываться.

...Двери, двери – что-то они и прежде для неё значили, она думала о них...

Позже, когда всё закончилось, она села в самолёт «Дэш 8» и отправилась из Тасилака в Нуук. Белизна на гренландских льдах ослепляла: невозможно было выглянуть в иллюминатор без солнечных очков.

Они пролетали над бирюзовыми пятнами гигантских озёр на огромном теле ледника, и с высоты они напоминали ей глаза, синие на белом. Ей подумалось: всё зависит от привходящих обстоятельств. Будь всё по-другому, эти озёра могли бы казаться ей какими-то драгоценными инкрустациями. Они могли бы ей казаться пластинами перламутра, а не слезящимися глазами, от которых невозможно оторваться. Озёра уже остались далеко позади, но словно продолжали смотреть на неё. И не отпускали.

Такие глаза бывают у тех, кто страдает от старческих глазных болезней. Ей вспомнились большие лошади – глаза у них тоже бывают подёрнуты молочно-голубоватой плёнкой.

Она была единственным пассажиром на борту, а экипаж состоял из двух пилотов и стюардессы по имени Дорте, которая рассказала, что отец у неё датчанин. Дорте спросила, что ей принести.

– Водки, – ответила она, – с апельсиновым соком.

– Простите, – ответила Дорте, – но могу предложить только багеты с сыром и ветчиной.

Багеты были упакованы в полиэтилен и на вкус тоже были полиэтиленовыми. Уж слишком долго они пролежали в холодильнике.

Ей казалось, будто на свете осталась только она одна, да ещё пропеллеры и лёд. Чувство одиночества сковало её.

На подлёте к Нууку её пригласили в кабину к пилотам. Прямо по курсу выросли острые серые пики, словно пронзавшие небо. По сравнению с ними норвежские горы казались мизерными, карикатурными, но она знала, что зубчатые вершины впереди кажутся величественными лишь на фоне плоской равнины, где взгляду не за что зацепиться.

Она совершенно забыла, как выглядит лётная форма. Но горы не забыла.

В Тромсё они жили в отеле «Исхавсхотелль». При заселении она назвала своё имя, девушка за стойкой зарегистрировала её, двинула к ней по блестящей каменной стойке картонный конвертик с карточкой-ключом.

– Завтрак начинается в семь, – улыбнулась девушка. – У нас готовят энергетические напитки. Очень вкусные и бодрящие. Не знаю только, как они называются. В таких маленьких стаканчиках, наподобие смузи. Имбирь с апельсином и лайм с киви. Придают сил. И действуют как антиоксиданты.

Отель выглядел новым, но лифт показался старомодным – с вычурной латунной отделкой, и зеркал чересчур много. Ковры и обои напоминали об Олимпиаде в Лиллехаммере.

Впрочем, такие же воспоминания пробуждал в ней дом её детства, обшитый светло-коричневыми панелями. Они поселились в доме, выстроенном компанией «Блок Ватне» на самом краю нового жилого массива, дальше шёл косогор, а ещё дальше виднелся поросший соснами овраг. Дома у них стены под потолком были обведены плитусами. Зелёные и жёлтые обои на стенах. Спокойное детство.

Мама собиралась сделать в гостиной ремонт. И в кухне тоже. Но это было до того, как отец пережил остановку сердца. Случилось это, как и полагается инфаркту, внезапно. Неожиданно. И тогда, чтобы не тревожить отца, мама решила ничего не менять. Чтобы не беспокоить его. Вдруг он потерял бы воспоминания и отдалился от родных? Значит, с ремонтом придётся подождать, пока лекарства не подействуют.

Однако отец толком так никогда и не встал на ноги, поэтому риелтор, который рано или поздно, а должен был появиться на пороге их дома, вынес заключение: дом в хорошем состоянии, но несовременный. «Понимаете, что я имею в виду?»

..Она отстранённо вспоминала себя и своего начальника Ховарда, который провёл с ней первый день здесь, дождавшись, пока промысловое судно не отчалит. Ведь для неё это был первый рейс на Вестисен.

Впоследствии именно Ховард будет выступать от имени Управления рыболовства. Именно он будет отвечать на вопрос, понимало ли Управление всю свою ответственность, выбрав для этого задания молодую женщину. Без опыта. И отправив её одну. На шесть недель. На самую окраину Гренландии. В окружении незнакомых мужчин. На первое в её жизни задание.

Управление всё понимало.

Случившегося никто предвидеть не мог, а слухам верить нельзя, и заранее думать о людях плохо – тоже.

И сама она ожидала, что всё сложится лучше.

Туман мелкими капельками оседал у них на лицах. Ховард забронировал столик в рыбном ресторане неподалёку от порта и по дороге рассказывал, какой там подают рыбный бульон.

Она решила уточнить у него, как писать инспекторский отчёт.

– Ничего особенного, – ответил он, – просто всё время, что будешь там находиться, всё записывай. Сколько патронов израсходовали. Сколько животных добыли. Сколько ранили. Можно просто отмечать галочкой нужные поля – тогда дело пойдёт быстрее. Но если понадобится, можешь добавить свои комментарии.

Какой отчёт считать коротким и какой – подробным? И как правильно его составить? Какие детали считать важными, а какие – нет?

Ховард пригласил на ужин опытного инспектора, отчасти чтобы тот поделился опытом, а отчасти чтобы узнать у него что-то такое, чего «непосвящённые» не знают. Говоря об этом, Ховард поднял руки и изобразил пальцами кавычки.

Зайдя в ресторан, они увидели сидящего за столиком инспектора. Он уже успел заказать себе пинту пива. Ховард, казавшийся лет на тридцать его моложе, похлопал инспектора по плечу. Она представилась.

– Мэри.

Его имени она не расслышала – во всяком случае, в тот раз она так и не поняла, как его зовут. Но почувствовала его запах – крепкий, застарелый.

– Это ты её хочешь с Арентцем отправить? – спросил инспектор. Он долго тряс ей руку, и она поняла, что так он хочет донести до неё что-то, но смотрел он исключительно на Ховарда. – Ну, тогда вам надо будет и новое название придумать для её должности! Инспекторша, например.

Говорил он в основном о себе, но чуть позже рассказал немного и о капитане шхуны, на которой она пойдёт.

– Педер Анкер Арентц, – сказал он. – Нет, вместе мы с ним никогда не охотились, но ты-то, Ланге, его наверняка знаешь?

Ланге – это фамилия Ховарда.

– Парень он надёжный. Специалист по полярным условиям. И исследователь.

– Вот как, – вырвалось у неё. – А где он публиковал свои отчёты? Я искала, но ничего не нашла.

Инспектор поставил кружку на мокрый круглый след, ею же и оставленный, и искоса глянул на Мари.

– Публиковал?

– Если ты исследователь, то где-то публикуешь результаты исследований, разве нет?

– Ну, может, в Осло, – ответил инспектор.

Ховард ощутил неуловимое напряжение, возникшее между собеседниками.

– Старые служаки, – сказал он по дороге в отель, будто пропустив мимо ушей сказанное инспектором: он с Арентцем не охотился.

И, кстати, рыбного бульона они не попробовали. Им подавали морского чёрта. И зубатку с фенхелем.

...Впоследствии она на протяжении нескольких лет забивала и забивала собственное имя в поисковик Интернета – это происходило раз в неделю, она просто не могла удержаться, особенно когда её отчёт сперва перепечатали местные газеты, потом – центральные и, наконец, передали по телевизору. В то время она почти никуда не выходила. Она постоянно беспокойно потирала руки, а прежде чем встать со стула, ей нужно было непременно несколько раз кивнуть. Нечто подобное повторилось с ней позже, когда дело передали в суд.

И тогда она вновь наткнулась на имя этого инспектора – на одном из форумов для промысловиков, пользователи которого обсуждали это дело. Его реплики опять сочлись женоненавистничеством – совсем как тогда, в ресторане, только на этот раз в его тоне сквозило торжество.

«Я довольно долго проработал инспектором китобойного промысла (кстати, я первый за всю историю промысла составил настоящий правдивый отчёт), так что по поводу пресловутого отчёта мне есть что сказать. По-моему, пора нам ввести новое название для этой должности – “инспекторша”! Суть в том, что инспектором по этому делу была

женщина! Причём, видать, ещё и без чувства юмора, если шутки экипажа её так оскорбили! Впрочем, имена и инспекторши, и капитана уже давно не скрываются. Капитан – личность известная, он один из наших ведущих специалистов по полярным условиям (и к тому же учёный). А вот про инспекторшу я узнал только, что она имеет образование ветеринара и зарегистрировала на своё имя фирму – это произошло, когда она (целая и невредимая) вернулась на материк после того ужасного путешествия на пиратской шхуне. Шумиха вокруг этого дела потихоньку стихает. Чтобы получить диплом ветеринара, нужно, ясное дело, хорошо учиться, но вряд ли хорошие оценки помогут, если не имеешь представления ни об охоте, ни о промысле».

В результате она стала искать в Интернете имя этого инспектора чаще, чем своё собственное.

Хронология.

– Что-что? Ах, ну да, простите.